

ПОДРОСТКОВАЯ ИНИЦИАЦИЯ: этолого-психиатрические аспекты

Ю.С.Шевченко

Любой этап постнатального психического онтогенеза для своей успешной реализации предполагает не только полноценность генетической программы развития мозга, но также наличие хотя бы минимально достаточных внутренних и внешних условий. К числу последних в подростковом возрасте относится социальная ситуация, обеспечивающая и оформляющая превращение ребенка во взрослого члена общества, обозначаемая как «инициация». Обобщенно-многозначный смысл данного понятия включает и сам процесс возрастного метаморфоза, и последовательность соответствующих социально-поведенческих ритуалов, и конечный статусный эффект – включение человека в качественно новую общественную структуру. Мнение А.Е.Личко [15] о филогенетической природе подростковой инициации, перекликающееся с идеями глубинной психологии [6,29] находит свое подтверждение в работах современных этологов и антропологов [1,30]

Отмечено, что у высших млекопитающих, ведущих стадный образ жизни (некоторые виды обезьян, копытных и ластоногих), особи «подросткового возраста» образуют отдельные группы на периферии стада или даже обособляются в отдельные временные стада [Боровский В. М., 1936; Chauvin R., 1963 — цит. по 15]. Обезьяны-подростки реагируют депрессией на изоляцию от сверстников, тогда как ни у детенышей, ни у взрослых особей добиться депрессии таким путем не удастся [Schweicheimer F. 1972 — цит. по 15]. У бонобо копуляция, как средство взаимного снятия стресса прекращается между матерью и ребенком, как только тот к пятилетнему возрасту достигает половой зрелости.

Согласно концепции Р.Докинза [8], рассматривающего «эгоистичный ген» (единственной задачей которого является самосохранение и тиражирование) в качестве первичной единицы естественного отбора, на первых этапах существования человеческого вида наибольшими преимуществами обладали такие «машины выживания» (индивиды), которые превращались из детской особи во взрослую достаточно рано и интенсивно. И уже через короткий срок своим внешним видом и поведением могли продемонстрировать сородичам основные ключевые признаки собственной биологической и социальной зрелости.

Для женских особей это были физические признаки, свидетельствующие о способности к зачатию, вынашиванию и выкармливанию ребенка, а также поведенческие паттерны, говорящие о готовности к заботе о нем, к его первичному воспитанию. Кроме того признаком женской «взрослости» являлось усвоение навыков собирательства и ведения домашнего хозяйства. Для мужских особей важными были такие физические данные и проявления поведения, которые свидетельствовали о его «хороших генах». К ним относились: сила и ловкость, обеспечивающие личное выживание и способность добывать пищу; демонстрация заботы о детях и щедрости в отношении представителей противоположного пола (делающих мужчину в глазах последних привлекательным в качестве сексуального партнера); знание и выполнение социальных норм взрослой общины (удостоверяющих других ее членов в своей безопасности и полезности). Ввиду того, что

законы мутации обуславливают возможность появления ложного фенотипа, механизмы естественного отбора сформировали способы доказательства-проверки истинности демонстрируемых признаков, и закрепила их в инстинктивной программе.

Инстинктивность человеческого поведения может быть доказана с помощью: 1- статистики (воровство и супружеская неверность порицаются во всех культурах, но наблюдаются повсеместно, в том числе у животных); 2 – оценки адаптивной архаичности (охота для современного городского жителя – нерентабельное занятие, но сам процесс является источником положительных эмоций); 3 – шаблонности, т.е. способности запускаться от простых и однозначных внешних сигналов – релизеров (эротический образ, вид паука или многоножки, вид пропасти или ее иллюзии под ногами, мечущихся в панике людей), вызывающих определенную эмоцию, чувство, настроение и повышенную готовность совершать однотипную последовательность действий без рассуждения и оглядки на результат (который при этом может пониматься рассудком как нежелательный и даже опасный); 4 – сравнения поведения близнецов (обсессивно-компульсивные расстройства у одноййцевых близнецов наблюдаются достоверно чаще); 5 – сравнительно-генетических исследований (выявление корреляции между конкретными вариациями определенных генов человека со склонностью к тому или иному поведению, например наличие «гена авантюризма» у лиц с синдромом гиперактивности); 6 – прямых замеров активности мозговых структур (врожденные реакции вызывают активность структур, в основном входящих в лимбическую систему, а приобретенные – входящих в неокортекс); 7 – исследования детей, психически больных, транссексуалов (людей, сменивших пол) [21].

Практически все общепризнанные критерии инстинктивности применимы в отношении инициации.

Для современного человека точнее говорить о **врожденной предрасположенности** (стремлении, желании, склонности и проч.) индивидуумов поступать в определенных ситуациях определенным образом (в соответствии с адаптивной ценностью такого поведения в настоящем времени или в эволюционном прошлом). Но такая предрасположенность вовсе не обязательно определяет неотвратимо-машинальную, и практически фиксированную последовательность действий. Таковая наблюдается у людей с измененным состоянием сознания, нивелирующим всякую разумную произвольность. Не всегда такое подсознательное, «автопилотное» стремление может быть реализовано из-за действия социальных запретов или активного торможения (что требует от мозга больших энергетических затрат). Но внешние выражения этого стремления, а также эмоции и желания, связанные с его наличием, подавлением или сублимацией могут быть вычленены и описаны в контексте «феноменологической диагностики» [18] и даже подсчитаны с помощью этологического глоссария. Признаки программы инициации, общий смысл которой («шаг назад – два шага вперед») универсален для любого этапа развития, можно отследить в поведении каждого подростка. Однако у большинства из них они преходящи и не достигают уровня болезни или криминала.

Инстинкты являются в общем, такими же адаптациями, как и части тела, глаза и проч. А стало быть, как и любая адаптивная организация не безукоризненны, поскольку представляют собой, по словам Питтендриха, «лоскутное одеяло из подвернувшихся кусков, впопыхах соединенных под угрозой смерти, и ретроспективно, но не перспективно – одобренной естественным отбором» [Pittendrigh C.S., 1958, цит. по 21]. Более того, их адаптивность уступает телесным адаптациям, поскольку формируются они гораздо более скоротечно и быстрее устаревают, продолжая, тем не менее, оставаться в багаже врожденного поведенческого репертуара.

С древности инициации - ориентированные на возраст церемонии посвящения человека в новый социальный статус (имеющие прообразы в социальном поведении высших животных и сохранявшиеся в любой

традиционной культуре) являлись важнейшим элементом воспитания. В первобытных общинах, характеризовавшихся ранним социальным созреванием детей, они осуществлялись по достижению ими девяти-одиннадцати летнего возраста и предваряли принятие их в полноправные члены архаического коллектива [12]. Заключительному ритуальному обряду предшествовала более или менее длительная подготовка к переходу от невежества к знанию, от безответственности к долгу, от безмятежного детства к дисциплинированной зрелости. Группа мальчиков, живя в изоляции от всей общины, училась под руководством почтенных представителей рода охотиться, воевать, приобщалась к сакральным и магическим знаниям. (Инициация девочек по многим причинам осуществлялась, как правило, в пределах общины, менее радикально, более камерно и индивидуализировано).

Только после прохождения цикла специальной подготовки неопиты допускались к участию в церемониях посвящения, во время которых испытывалась (порой довольно жестоко и болезненно) их воля, смелость, стойкость, выносливость, проверялось качество усвоенного опыта. Ритуальные церемонии сопровождались песнями, танцами, проходили при свете костров, в присутствии всех членов племени. Все это придавало особую торжественность событию, призванному максимально эффективно воздействовать на психику и поведение посвящаемых, укрепить в их сознании представление о качественном изменении их общественного статуса, подчеркнуть особое значение перехода из одной возрастной группы общины в другую, вдохновить на полноценное овладение новой социальной ролью.

Поскольку древний человек жил, как минимум, вдвое меньше, чем нынешний, переход от детства к взрослости был очень непродолжительным (обычно, не более года). И для успешности выживания вида основные механизмы пубертатной инициации должны были закрепиться в качестве инстинктивного поведения, каковыми и остаются у современного *homo sapiens*, несмотря на культурную эволюцию. Последняя не только увеличила продолжительность жизни человека, но и удлинила подростковый возраст, а

также создала традиции поступенчатого перехода от детства к взрослости и менее брутальной реализации врожденной потребности в инициации. В определенном смысле, весь подростковый период современного человека – это растянутый по возрасту и расчлененный по своим составляющим ритуал инициации.

Более того, культурная эволюция распространила архетип инициации практически на все сферы жизни (касты, классы, профессии, религии) и весь жизненный цикл современного человека [6]. Единому сценарию подчинены: праздник окончания детского сада; переводные экзамены; заключительные экзамены и выпускной бал; посвящение в студенты или рабочие; прием в партию после прохождения испытательного срока; первое причастие (после годового посещения уроков катехизации и первой исповеди); принятие воинской присяги; посвящение в рыцари или в члены тайного общества; венчание и свадьба; помазание на царство; инаугурация президента; торжественные проводы на пенсию (своего рода «инициация наоборот») и т.д.. В каждой из этих традиций просматривается **врожденная универсальность социального поведения**, поскольку **речь идет о сходстве не институтов, а обрядов**, об одной категории сходных обрядов, ибо они подчинены достижению одной цели – экстра- и интрапсихической трансформации человека [1,2].

Диалектика вопроса заключается в том, что биологические модели поведения формализуют и унифицируют организацию социальных институтов в историогенезе. Встречная эволюционная динамика проявляется в том, что порождения казалось-бы «чистого разума» (будь то игровые автоматы, общение в интернете или апробация новомодной диеты) в случае наложения «произвольных» поступков на древние (подкорково-этологические) программы индивидуального, репродуктивного или социального поведения с особой легкостью порождают привычки, потребность в реализации которых может усиливаться до степени влечения. Разум же лишь обслуживает подсознательно направляемое поведение с помощью рационализации и других

ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ.

Даже обращаясь к чисто человеческим, духовным аспектам инициации Генон Р. [2] говорит о трёх (легко узнаваемых как с позиций этологии, так и глубинной психологии) последовательных условиях посвящения. Первое - «потенциальность» — сама возможность для человека принять посвящение, обусловленная его врождёнными внутренними и телесными качествами, так называемыми индивидуальными «квалификациями» (соответствующими *materia prima*, или субстанциальной стороне проявления). Второе - «виртуальность» — получение посвящения (в виде «озарения», «второго рождения») с помощью трансмиссии духовных влияний, осуществляемых регулярной инициатической организацией. Этот момент на индивидуальном, микрокосмическом уровне соответствует началу Универсальной Манифестации (лат. *Fiat Lux*, «Да будет Свет»), то есть упорядочению хаоса возможностей. Наконец, третье условие - «актуализация» — сознательная внутренняя работа по реализации полученного виртуального посвящения и достижение, в конечном итоге, состояния Высшего Тожества.

Иными словами, речь идет о сочетании биологической готовности к качественной трансформации, наличия направляющих социальных влияний и достаточного когнитивного развития для регуляции своего поведения в соответствии с образцовой моделью ментального мира.

Однако, как и наследуемые механизмы стресса, заложенные в совсем иных условиях и чрезмерные с точки зрения сегодняшнего дня, механизмы инициации остаются архаичными и порой прорываются в социально-, либо в биологически-разрушительных формах. Тем более, что с упразднением общественно-государственных институтов «посвящения» подрастающее поколение потеряло эффективный инструмент регуляции социально-психологического созревания личности. Такое блокирование фило- и онтогенетически обусловленной потребности в инициации проявляется в подсознательно направляемом агрессивно-асоциальном поведении стихийно формирующихся подростковых групп и/или психических расстройств, типологически сходных с ключевыми переживаниями во время инициации [11,22,27]. При этом демонстрируются суррогаты всех **трех категорий инициации**: социально-возрастной; референтно-групповой; мистически-экзистенциальной. В тех случаях, когда речь идет о грубой психической патологии определяемой эндогенными (процессуальными или наследственно-конституциональными), соматогенными (эндокринными) и/или экзогенно-органическими (энцефалопатическими) факторами, извращенные проявления инициации выступают в общем контексте так называемого «патологического пубертатного криза» (ППК). Судебно-психиатрический контингент пациентов с

ППК демонстрирует его проявления в форме гебоидного симптомокомплекса, синдромов сверхценных образований и патологического фантазирования [19]. К более легким, преимущественно психогенно (социогенно)-дизонтогенетическим проявлениям суррогатной или «псевдо»-инициации можно отнести такие «подростковые синдромы», как «метафизическая (философическая) интоксикация» и примыкающая к ней сектомания, нервная анорексия-булимия, синдром Вертера, некоторые формы интернет-зависимости, синдром самоповреждающего (суицидального и несуйцидального) поведения и сверхценного увлечения экстремальными видами спорта, патологические формы реакций группирования, а также стихийно организованные инициации в виде поглощающего участия в неформальных молодежных объединениях и проч. [25].

Массовый и неперсонифицированный (инкогнитальный) характер виртуального общения в компьютерных сетях создает благоприятные условия для стихийного и/или целенаправленного манипулирования активно формирующимся самосознанием и мировоззрением подрастающего поколения, создания и распространения молодежной моды на антидисциплинарное, асоциальное, противоправное и саморазрушающее поведение, привлекательность которого обеспечивается его соответствием основным инстинктивным модулям подростковой инициации (<http://www.stranamam.ru/post/11402415/>).

В частности, угрожающий для национальной безопасности характер приобретает активность интернет-сайтов, обозначаемых как «группа смерти» и специально рассчитанных на школьную аудиторию. Наибольшую опасность представляют собой зарегистрированные в сети под общим названием «ВКонтакте», открытые и закрытые сайты: «Киты плывут вверх»; «Космический кит»; «Белый кит»; «Китовый журнал»; «Море китов»; «Океан китов»; «Летающий кит» и т.д., которые используют изощренные психотехнологии, погружающие несовершеннолетних в суицидальное мировосприятие и подстрекающие их к соответствующему поведению (Информационное письмо Министерства образования Республики Карелия от 22.12.2016, № 10320/5-15/МО-и)

Чем старше подросток, тем большую роль в его поведении играют мотивы, связанные с половым созреванием и сексуальным влечением. Вместе с тем, в традиционных церемониях посвящения такие моменты, как достижение возраста половой зрелости и право на вступление в брак, не принимаются во внимание, поскольку основной ориентир инициации – это социальная зрелость, которая на заре цивилизации заметно опережала наступление половой зрелости [1].

Более того, раньше подростковая инициация в 12-ти летнем возрасте «тянула» за собой половое созревание (прошедшие её могли свататься и

жениться). Во всяком случае, нарастающая сексуальная активность не вступала в противоречие со статусом взрослого члена общины.

«Да как же ты венчалась, няня?»

- Так, видно, бог велел. Мой Ваня

Моложе был меня, мой свет,

А было мне тринадцать лет. (А.С.Пушкин. «Евгений Онегин»).

Теперь же подростковая гиперсексуальность, подавляемая социальными и культурными ограничениями, служит мощным релизером для соответствующих инстинктивных детерминант поведения.

Проблема заключается еще и в том, что иницирующие неопиты отличаются большей «примативностью» [21] по сравнению не только со взрослыми, но и, нередко, с самими собой в допубертатном возрасте (поскольку гормональный кризис ослабляет их способность к разумному контролю за реализацией инстинктивных шаблонов). Образно говоря, лобная кора (окончательное созревание которой, кстати, происходит только к 23-25 годам) капитулирует под натиском бушующей подкорки [4,23]. Отсюда архаическая универсальность их поведения, мало изменившаяся с того времени, как оно было зафиксировано в генетической программе. Взрослые же члены общества, наблюдая за взрослеющими подростками, инстинктивно ожидают от них демонстрации доказательств знания, готовности и желания соответствовать сакральным идеалам и требованиям социальных норм (это тоже зафиксировано в генетической программе человека и актуализируется в контексте зрелого поведения). В то же время, их меньшая примативность позволяет в большей степени ориентироваться на усвоенные разумом достижения культурной эволюции и современные (а не доисторические) условия жизни (нынешнему обществу не нужны 12-13-ти летние «охотники» и «воины», претендующие на сексуальную раскрепощенность и равные права со взрослыми).

Культурная эволюция человека определила необходимость продления периода подготовки ребенка к взрослой жизни для полноценного соответствия ее условиям и требованиям. Это шло параллельно с переориентацией с силовых на умственные и коммуникативные критерии социальной полезности. А также сопровождалось трансформацией обрядов инициации, их пролонгацией и дроблением, разделением телесных, интеллектуальных, эмоциональных, волевых и духовных компонентов социализации.

Так, в еврейской традиции наступление 13 лет отмечается *бар-мицвой* – отголоском

древнего ритуала перехода от мальчика к мужчине. В наши дни это веселый праздник, полный символики. Однако, когда празднование закончено, мальчик остается мальчиком [4].

Неприятие демонстрируемой архаичной модели поведения современным миром взрослых выглядит в глазах подростков (направляемых неосознаваемыми социальными инстинктами) как «двойная мораль», «двойные стандарты», что дезориентирует их и вызывает хронически стрессирующее ощущение ненужности обществу, провоцируя на протестно-оппозиционное поведение (от агрессивного до суицидального).

Говоря о свойственном подростковому возрасту «танатотропизме» О.И.Шмырева [28] связывает его с возможной привлекательностью образа смерти, представляющейся выходом из затяжного эмоционального кризиса. Это, на наш взгляд, тот самый случай, когда на инстинктивный модуль программы инициации (смерть всего старого, детского, предшествующего ритуалу торжественного возрождения в зрелом качестве – смерть как «подвиг» - *героем считается тот, кто рисковал жизнью*) накладывается универсальный для любого возраста стрессовый механизм «выученной беспомощности». Невозможность ни уйти или овладеть ситуацией, ни приспособиться к ней, ни прогнозировать ход событий порождает психогенную депрессию с мотивацией суицидального выхода из нее (смерть как «избавление»). Двойственная природа подросткового танатотропизма (способного трансформироваться в соответствующие навязчивые и сверхценные образования) проявляется в двойственности самого отношения субъекта к смерти. Эмоционально-идеаторную амбивалентность подросткового танатотропизма иллюстрируют автобиографические стихи Н.Крандиевской: «Как печально и приятно умереть в шестнадцать лет... Сохранит он, вероятно, мои письма и портрет. Будет помнить! Или нет? ...Где бы мне от всех укрыться, в ванной что ли, в кладовой, чтобы все же отравиться? Или с мамой помириться и остаться мне живой?».

Негативная мотивация суицидального выхода представлена поиском незрелой личностью спасения от жизненных неудач, а позитивная – инфантильным представлением о героическом характере суицидального

поведения, гарантирующем последующий успех. Снятие защитного антисуицидального барьера (спаянного с инстинктом самосохранения) облегчается фантазийным переносом в реальность наличия множественных жизней у игрока, усвоенного в процессе компьютерных игр [28].

Агрессивный вариант протестно-оппозиционного поведения и демонстрация собственной «взрослости» в виде реакций эмансипации (с отказом от детского подчинения и отстаиванием права на самостоятельное принятие решений, порой оторванных от реалий жизни в силу их незнания), как правило, не сопровождается готовностью нести ответственность за собственные поступки.

Тем не менее, каждое новое поколение неофитов, получив гормональный сигнал о достижении определенной степени психофизиологической зрелости, испытывает инстинктивную потребность демонстрировать «взрослый» фенотип (физическую и социальную смелость, силу, ловкость, выносливость, способность переносить боль и унижения, сексуальную состоятельность, верность группе, ее идеалам, ритуалам, соответствие ее внешним атрибутам и нормам поведения). Биологи считают, что физиологическая необходимость обрядовой инициации обусловлена возрастными колебаниями уровня эндорфинов, относительный дефицит которых стабильно восполняется в ходе тренинга регулярными физическими и психологическими стресс-нагрузками, способствующими, как известно, выбросу в кровь морфиноподобных нейропептидов [23]. И если общество не предлагает эффективных каналов реализации данной программы (состоящей из обрядов отделения, промежуточного периода и обрядов включения), то они формируются стихийно в соответствии с ее основными пунктами-модулями [7,28].

Последние включают: **«сепарацию»** от общества взрослых; **слияние с группой** сверстников и подчинение ее внутренним законам; агрессивные **набеги** со своей на взрослую территорию (от разрушительно-маркировочного вандализма в электричках до демонстративно-циничного секса в метро);

символические ритуалы **«смерти в старом и возрождения в новом статусе»**; **«погружение в психический хаос и слияние с сакральным образом»**; **«поклонение – возвышение»**; **«пребывание в измененном состоянии сознания»**; **«знакомство с магическим знанием»**; **«совершение прилюдных подвигов»**; **«демонстрацию своей физической и моральной выносливости»**; **«маркировку тела с помощью раскраски, повреждений и самоповреждений»**; **«унификацию одежды, прически, манер поведения, сленга»**; **«испытание голодом, изоляцией и молчанием»**; **«социальную клятву-присягу»** и т.п.

Один и тот же конкретный ритуально-поведенческий элемент (модуль) может иметь разный смысл или сразу несколько смыслов в отмеченном выше триедином (социально-возрастном, кастово-групповом и экзистенциально-магическом) контексте инициации, а также вызывать различные и смешанные психофизиологические эффекты *и поведенческие модели*. Например, голодание может выступать как символ «очищения-смерти», мотивироваться модой на сексуально-возрастные каноны, служить способом достижения экстатически измененного состояния сознания. Реакции группирования со сверстниками могут направляться общими интересами (сливаясь с различного рода хобби-реакциями), иметь явно окрашенный сексуальный подтекст, носить чисто ситуативный характер (при отсутствии выбора) или определяться сверхценными метафизическими исканиями.

Каждое взрослое поколение (ориентируясь на собственный врожденно-приобретенный опыт перехода количества в качество) проверяет истинность вышеназванных демонстраций и их соответствие социально-культурным реалиям сегодняшнего дня. Нынешние критерии взрослости отличаются даже от тех, что были всего лишь сто лет назад и шестилетний некрасовский «мужичок с ноготок» выглядит, пожалуй, более социально зрелым, чем сегодняшний подросток. То есть, собственно культурная эволюция (сталкиваясь с несовершенным, но генетически закрепленным наследием эволюции биологической) провоцирует сохранение и усложнение конфликта «отцов и детей».

Сама же эта проблема стара как мир. Еще Сократ в 470-399-х до н.э. писал: «Наша молодежь нынче устремляется к роскоши, у нее дурные манеры, она относится с презрением к властям и не испытывает уважения к старшим, Она предпочитает болтать, вместо того, чтобы работать... Молодые люди не встают, когда старшие входят в комнату. Они спорят с родителями, выхваляются в обществе... и издеваются над своими учителями» [цит. по 23, стр. 136].

Нечто подобное высказывалось каждым поколением взрослых о своей подрастающей смене и если бы подростковое поведение не носило преимущественно временный характер, то человеческая цивилизация давно бы выродилась. В большинстве случаев поведение повзрослевшего подростка упорядочивается (и знание этого факта успокаивает родителей), но на смену ему неизменно приходит свежий носитель пубертатной психики (что не дает покоя

ни учителям, ни служителям правопорядка, ни психиатрам). Тем более, что благоприятный исход пубертатного криза – далеко не единственный вариант его динамики, а подростковые поведенческие проявления нередко выходят за возрастные границы психологической и социальной нормы. Эти границы традиционно расширены с учетом универсального сдвига поведенческих детерминант подростка в сторону инстинктивности в ущерб разумности, доминирования краткосрочных программ получения удовольствия, над рационально-долговременными, требующими большого волевого напряжения и существенных энергетических затрат. Даже благополучный и социализированный ребенок, став подростком порой не в силах «наступить на горла собственной песне» и склонен поступать в соответствии с принципом персонажа Бертольда Брехта: «Сначала жратва, мораль – потом».

Вследствие собственной незащитности отношение взрослой части общества к подросткам, вошедшим в фазу инициации и ведущим себя зачастую непредсказуемо и опасно, характеризуется повышенной терпимостью. Этим можно объяснить явление, обнаруженное у очень многих народов. Оно заключается в том, что во время испытательного срока посвящаемые (в том числе под предводительством своих наставников) могут безнаказанно совершать набеги на общину, воровать и грабить, угощаться, обогащаться за счет сообщества [1,30]. Возможно, такие набеги когда-то служили репетицией будущих военных походов. Настороженно-снисходительная амбивалентность в отношении тинэйджеров связана с тем, что они еще не защитники общества, но уже во многом «воины». Притом войны из «иночного мира» (порой не управляемые как зомби), склонные к сплочению и самоорганизации.

В частности, базисные эволюционно стабильные стратегии поведения (ЭССП) обнаруживают себя в стихийно формирующихся молодежных субкультурах, модифицирующих поведение подростков от поверхностного и преходящего следования моде до полного погружения в субкультуральный образ жизни, изобилующий социальными и идеологическими девиациями [3,22]. Условно, по типам формируемого поведения их можно обозначить как: «агрессивные»; «депрессивные»; «гедонистические»; «рисковые» [17].

К классу модификаций **агрессивного** поведения относятся субкультуры «футбольные фанаты», «скинхеды», «сатанисты», формирующиеся благодаря стимуляции потребности в самоактуализации, выраженной в агрессивных и преступных действиях, дискредитации общепризнанных героев и идеалов. В

результате возникает повышенная агрессивность, хулиганское поведение, совершаются преступления.

Попытки направить подростковую импульсивность и агрессивность в позитивное русло (защита чайна-таунов больших городов от потенциально враждебных чужаков с помощью угроз, наказание предосудительных поступков взрослых от лица всего конголезского племени мбути с помощью насмешек, предупреждающее правонарушения демонстративное патрулирование вечерних улиц юными членами «народной дружины», проведение «культурной революции» руками хунвейбинов из числа школьников и студентов и т.п.), сопряжены с высоким риском перерастания идейно вдохновленного поведения в вандализм, насилие и криминал в силу неспособности молодых людей к отставленному прогнозу собственных действий.

К субкультурам формирующим **«депрессивное»** поведение относятся **«панки»**, **«эмо»**, **«готы»**, *а также их виртуальные аналоги*. Модификация осуществляется благодаря стимуляции самоактуализации посредством нарушения физиологических и культурных табу, погружения в депрессивное мировоззрение, позиционируемое как **«протест»**, **«индивидуализм»**, **«тонкость чувств»**, в действительности же способствующее маргинализации и приближающее индивида к суицидальному поведению.

Гедонистический характер имеет поведение, формируемое субкультурами **«хиппи»** и **«растаманы»**. Здесь самоактуализация (сексуальное раскрепощение, обретение мистической мудрости, экстаз) достигается посредством ухода от требований социума и потребления наркотиков, санкционированного идеологией. Результат модификации – развитие амотивационного синдрома, наркотизация, рост заболеваемости и смертности.

К модификациям **рисксового** поведения можно отнести субкультуры **«стритрейсеров»**, **«сноубордистов»**, **скейтбордистов**, **«зацеперов»**, **руферов**, **бэст-джамперов** и т.п. в которых самоактуализация (яркий индивидуализм, **«мужественность»**, **«героизм»**) достигается в результате спортивной деятельности, осуществляемой с риском для жизни, в нарушение правил элементарной безопасности своей и окружающих, что нередко ведет к инвалидизации или летальному исходу.

Менее brutальными проявлениями молодежных субкультур являются спланированные с помощью интернета массовые сценарные акции типа flash mob (мгновенная толпа), ставшие популярными последние годы. Они представляют собой не нарушающие закон **«набеги»** на взрослую территорию, направленные на то, чтобы своим абсурдным характером удивить, сбить с толку случайных прохожих, вызвать у них

недоумение и ощущение тихого помешательства. Для участников флешмобов - это способ развлечься, получить эмоциональную разрядку, почувствовать себя свободным от общественных стереотипов поведения, произвести впечатление на окружающих, самоутвердиться, получить острые ощущения, приобщиться к себе подобным. Иными словами, флешмобы, также, как и приведенные выше формы неформальных объединений представляют собой современные варианты все той же инициации. [Все они последнее время имеют отчетливую тенденцию переключиваться из реальной жизни в виртуальное пространство компьютерных взаимодействий и взаимовлияний \(как стихийных, так и целенаправленно моделируемых\).](#)

При этом формирование всех модификаций происходит при наличии половой стимуляции, которая, накладываясь на зачастую недостаточно дифференцированную подростковую гиперсексуальность, становится своеобразным «клеем», скрепляющим основные части субкультуры. Каждая из субкультур однонаправленно индуцирует ту или иную ЭСПП (эгоистическую, агонистическую, альтруистическую, кооперативную), сужая потенциальный репертуар социально адаптивных стратегий поведения формирующейся личности. Субъективно привлекательной для подростка (вплоть до формирования психологической зависимости от нее) молодежная субкультура оказывается за счет того, что принадлежность к ней фиктивно решает его основные возрастные проблемы (принадлежности к группе, самоидентификации, поиска «смысла жизни» и примера для подражания, сексуальные потребности и проч.). Приобщившись (в том числе благодаря информации в интернете) к тому или иному модному течению, созвучному с собственным психотипом, подросток уже не ищет иных способов реализации универсальных возрастных реакций (по А.Е.Личко) - оппозиции взрослым, эмансипации, группирования со сверстниками, хобби-реакции, реакции связанные с формирующимся половым влечением). Этологической же подоплекой жизни молодежной субкультуры является ее организация в полном соответствии с отмеченными ранее обрядами инициации. При этом не менее 5% лиц, участвующих в субкультурных практиках, нуждаются в социальной реабилитации с помощью психолога или психиатра [17].

Помимо указанных выше «экстрапунитивных» форм стихийной инициации, предполагающих групповое взаимодействие подростков, можно выделить их индивидуальные, «интрапунитивные» альтернативы.

Сформировавшаяся в самое последнее время молодежная мода на гомо- и бисексуальность (извращенный отголосок традиций кумления и калиты), «любовь» по интернету (и другие экономящие время и силы суррогаты подростковой дружбы и первой любви), нанесение самоповреждений и иной маркировки собственного тела, а также на экстремальные модификации пищевого поведения (с чередование голодания и объедания с вызыванием рвоты – в этологическом смысле переадресованные на себя вандално-экспансивные набеги на «чуждую» территорию), предполагает включение соответствующих психотерапевтических подходов, нацеленных на восстановление единства телесного самосознания с врожденными основами половой самоидентификации и сексуальной ориентации, а также на сглаживание характерного для подростков конфликта между романтизмом и гиперсексуальностью, внешним цинизмом и внутренней ранимостью [14].

Это касается как предлагаемой ниже реабилитационной модели, разработанной для подростков мужского пола, так и параллельной модели, рассчитанной на девочек-подростков [5].

Объектами такой программы безусловно являются наблюдаемые нами две «влюбленные» друг в друга девочки 14-ти и 17-ти лет, называющие себя «Дима» и «Миша», и использующие для самообозначения местоимения мужского рода, требующие этого же от родственников и охваченные идеей изменения пола (вплоть до жесткого стягивания груди, отказа от женской одежды и белья и тайного пользования мужским общественным туалетом), а также мечтающие после соответствующей операции вступить в гомосексуальный брак и завести приемного ребенка. При этом они ревнуют друг друга к сверстникам обоего пола. Подобная трансгендерность (синдром «отвергания» пола), равно как и не обязательно совпадающая с ней транссексуальность, даже в случае их нешизофренической природы служат источником мощного психологического стресса, порождающего психогенные депрессивно-деперсонализационные симптомы и свехценно-паранойальные идеи отношения (Матевосян С.Н., 2009).

Оппозиционность несовершенному мироустройству старшего поколения в сочетании с глубинной неудовлетворенностью собой в настоящем статусе, отрицание своей архаической природы (*«от кого угодно, только не от обезьяны»*), жажда ускорения дальнейшей эволюции (*как порождение экзистенциального «горя от ума»*) отражается в современном обществе в таких моделирующих будущее субкультурах, как cyberpunk, rivethed, cybergoth, dark-cyber, ЕВМ (Самохвалов В.П., Кузнецов В.Е., 2015). *Это можно назвать «культурно-филогенетической инициацией», посвящением человека в сверх-человека, включающей все атрибуты традиционной инициации подросткового*

возраста в ее авангардистки-постмодернисткой транскрипции (Шевченко Ю.С., 2016).

Также новомодным явлением среди оторванных от реальной жизни и лишенных трудового воспитания подростков является наивно-магическая мировоззренческая установка на социальное иждивенчество, своего рода «антиинициация». Она сопровождается отказом от учебы и любого труда, сциничным планированием дальнейшего существования за счет родителей, либо за счет мифических доходов от предполагаемых выигрышей в интернет-играх. Нередко за этим соединением гедонистического стремления к «сладкой жизни» и подросткового слабоволия стоит характерная для данного возраста апатическая депрессия. Для таких подростков госпитализация является порой единственной профилактикой формирования компьютерной и иной зависимости [5,9,10,16].

Известно, что у подростков, рано начинающих зарабатывать, инициация протекает гораздо менее драматично и с меньшими конфликтами со старшим поколением по сравнению с «чистыми» школярами. Это ставит вопрос о серьезной организации трудового воспитания подростков в целом и о трудотерапии в специализированных подростковых учреждениях.

Поскольку на период обострения бессознательно-архетипической примативности роль лобной коры не могут на себя взять ни родители (в силу отсутствия культурных традиций подчинения старшим), ни социальные институты (нет ни пионеров, ни скаутов, ни комсомола), для такого подростка зачастую остаются только два организационных варианта адаптации — специализированный интернат для трудновоспитуемых, либо психиатрический стационар. Дабы не уподобиться тюремным изолятам, и тот и другой должны строить свою работу в соответствии с социально-биологическими и традиционно-культуральными механизмами инициации. Наш опыт включения рассматриваемого ниже подхода в контекст педагогической и социальной программы подростковых исправительных учреждений и проведения ключевой методики семейно-групповой психотерапии и психокоррекции (где в общем круге вместо родителей находятся воспитатели) показал, что ее участники

сплачиваются в социально-позитивное ядро всего учреждения, положительно влияя на жизнь целого коллектива. Образно говоря, гайдаровская шайка Мишки Квакина трансформируется в тимуровскую команду.

Что касается медицинских учреждений, то онтогенетически ориентированная (реконструктивно-кондуктивная) психотерапия (объединяющая в единый контекст механизмы позитивного регресса и психоэлевации к зоне ближайшего развития) рассматривает весь период лечебно-коррекционного процесса как ограниченный во времени и насыщенный событиями и информацией период жизни пациента-клиента, прохождение которого должно заканчиваться объективным и субъективным переходом его в новый психофизиологический и социально-психологический статус, запечатлеваемым агрессивно-героической церемонией инициации [24,26].

Ограничение организационных структур сепарации посвящаемых подростков правоохранительно-колониальными учреждениями (в России нет институций типа школ Шаолиня, популярных в Китае, а оздоровительные, трудовые и военно-спортивные лагеря не рассчитаны на длительное пребывание), делает госпитализацию в психический стационар, как это не парадоксально, единственным местом, где подросток может пережить кризисный период своей жизни с минимальными потерями для общества и осложнениями для самого себя. Ориентированная на инициацию лечебно-коррекционная работа предполагает существенный пересмотр традиционного дизайна организации работы подростковых психиатрических отделений. Весь период пребывания мальчика-подростка в стационаре должен строиться в соответствии с принципами эмоционально-стрессовой психотерапии (по В.Е.Рожнову) и напоминать «курс молодого бойца» в армии, прохождение которого заканчивается принятием присяги, означающей вступление в новый социально-личностный статус.

В настоящее время в зависимости от сохранившихся обычаев племени и роли ревнителей традиций продолжительность церемонии включения

подростка во взрослое общество растягивается от двух месяцев до шести лет [1]. Абсолютное удлинение промежуточного периода между сепарацией и реакреацией возможно за счет режима отпусков, частичной госпитализации, полустационара, а относительное — за счет интенсификации реабилитационных мероприятий, насыщения каждого часа пребывания в отделении интра- и экстрапсихической психотерапией, лечебной педагогикой, коррекционно-психологической и социализирующей работой. Фактически осуществляется **двойной сценарий** традиционной инициации: а) обряды отделения от общей среды (*госпитализация*); б) обряды включения в сакральную среду (*знакомство и проживание вместе с другими пациентами-неофитами*); в) промежуточный период (*время активной терапии в стационаре*); г) обряды отделения от локальной сакральной среды (*перевод на режим частичной госпитализации, восьмидневный цикл интенсивно-экспрессивной психотерапии в детско-родительской группе*); д) обряды реинтеграции в общую среду (*заключительный психотерапевтический сеанс приуроченный ко дню выписки из больницы*). Опыт одномоментной выписки из стационара после заключительного сеанса эмоционально-стрессовой психотерапии по К.М.Дубровскому был успешно отработан Б.З.Драпкиным в отношении подростков, страдающих заиканием.

Системное преодоление устойчивого патологического состояния (по Н.П.Бехтеревой) возможно за счет отрыва от негативного влияния референтной группы, прерывания компьютерной зависимости от игр и виртуального общения, временного «перемирия» и ограничения контактов с родителями (аналог разрыва с «материнско-детским» прошлым). Вместо этого осуществляется приобщение к духовным ценностям (знакомство со знаменитыми тезками, значением собственного имени, курс познавательной характерологии и социологии, библиотерапия, профессиональная ориентация, экономическое и сексуальное просвещение), развитие и совершенствование непосредственных коммуникативных навыков. Групповая и индивидуальная

арт-терапия создает условия для отреагирования негативных эмоций, для самопознания и творческой самореализации [13,19].

Занятия спортом и трудотерапия должны быть направлены на развитие волевых качеств, а система запретов (*табу*), режимных ограничений (режим молчания, аскетическая диета), штрафов и наград, которые можно заработать примерным трудом, учебой и поведением преодолевают излишнюю амбициозность, делают жизненные установки более реалистичными и способствуют внутренним изменениям. Частный эффект физического стресса в виде интенсивной мышечной нагрузки в процессе спортивных занятий и трудотерапии проявляется в том, что своей конечной фазой он определяется выбросом эндорфинов с соответствующим эмоциональным эффектом, способным конкурировать с эффектом от употребления психоактивных веществ [23].

Возвращению подростка домой в новом, преображенном статусе должны предшествовать соответствующие изменения в самом доме и в отношениях между его обитателями (от преобразования индивидуальной территории ребенка до личностного роста родителей и совместного создания «семейного герба»). Оптимальным завершением «порогового» этапа инициации представляется восьмидневный цикл семейно-групповой интенсивно-экспрессивной психотерапии (ИНТЭКС) [24], проводимой для готовящихся к выписке подростков (желательно, в смешанной по полу группе) и их родителей. Предшествующая работа с родителями ведется преимущественно в параллельном режиме.

Обрядовый сеанс включения или восстановления (*reagregation*), завершающий весь период госпитализации-инициации должен заменить практику рутинной индивидуальной выписки из стационара и строиться в форме общего для группы подростков праздника, включающего все основные элементы соответствующего ритуала. К ним относятся: публичная пространственная организация (осуществление ритуального действия в окружении родителей, родственников, друзей, символизирующих

традиционную общину, во взрослые члены которой посвящаются подростки); психологические и физические испытания («подвиги», в том числе состязательного характера), индивидуально подобранные в соответствии с клинико-психологической диагностикой и представляющие собой реальное преодоление основной инфантильной проблемы, подтверждающие победу над своим страхом, комплексом, установкой, поведенческим стереотипом, болезненным реагированием на шутки и подтрунивания окружающих, а также символизирующее слияние с заранее выбранным и нарисованным «идеальным образом» (*тотемом*). За ними следует ритуал аллегорической смерти («взрослая операция» во время которой на коже ведущей руки смывается татуировка, означающая психологическую проблему, от которой тот или иной участник сеанса хочет избавиться, и это место прокалывается стерильной иглой). После этого обнявшиеся члены каждой семьи на глазах «общины» демонстрируют свое обновленное единство, а «возрожденный» подросток декламирует лично подобранное жизнеутверждающее стихотворение. Завершается сеанс торжественным обещанием каждого участника его постараться делать то, что, по его мнению, от него ждет семья и общество (для неофитов это - аналог воинской присяги). Делается это в общем круге, при погашенном свете, перед зажженной свечой, которую каждый держит на вытянутой ладони и под звуки торжественно-проникновенной музыки (к примеру, «Ария» И.С.Баха).

Традиция угощения неофитами всех участников действа реализуется по его окончании и сопровождается публичным чествованием их перехода в новый социально-личностный статус.

Эмоционально-стрессовый характер заключительного сеанса (с соответствующим изменением качества сознания) обуславливает расторможение инстинктивных механизмов импринтинга и мгновенное запечатление в долговременной памяти его участников информации о состоявшемся преображении.

Основные принципы и приемы клинико-этологически ориентированной психотерапии и психокоррекции подростков с патологическими проявлениями стихийной инициации приведены в таблице 1.

Таблица 1. Формы и способы реализации социально-биологической потребности в инициации.

Традиционные формы (<u>модули</u>) обряда инициации и заключительный ритуал	Современные социальные институты и стихийные формы	Условная и явная социальная и/или психическая патология.	Организационные альтернативы и коррекционно-психотерапевтические приемы
<u>Изоляция</u> на год из общины в группе сверстников. Проживание на отдельной территории. Жесткое подчинение наставникам. Наличие собственных запрещающих (табу) и разрешающих норм поведения. Использование особого языка.	Кадетские училища. Интернаты типа Шаолиня. Студенческие стройотряды. Туристские походы. Скаутские, творческие, спортивные, общественные и партийные организации. <i>Неформальные молодежные объединения, субкультуры.</i> <i>Относительная изоляция от детско-материнского мира в референтной группе, хобби-компаниях.</i> <i>Подростковый сленг.</i>	<i>Замена реального общения виртуальным.</i> <i>Прогулы школы в компании сверстников.</i> <i>Уходы из дома, бродяжничество.</i> Полный «уход» в виртуально-компьютерный мир, вступление в секту, подростковую банду, экстремистскую группу (не предполагающие реинтеграцию в социум).	Секции, кружки, военно-спортивные и трудовые лагеря, монастыри, интернаты для трудновоспитуемых, психиатрический стационар (с сепарацией, пребыванием в «киной реальности» и последующей реагрегацией). <i>Индивидуальная, семейная ПТ.</i> <i>«Преодоление препятствий» в параллельных, затем смешанных (детско-родительских) группах закрытого типа.</i>
<u>Разбойные набеги</u> на территорию общины. Охрана собственной территории. Санкционированные ритуальные бесчинства (например, в купальную ночь и в одну из ночей на зимние святки). Пребывание в сакральной хижине.	Тимуровские дружины, волонтерские объединения. Игры в войну, пейнтбол. <i>Междворовые баталии.</i> <i>Набеги на сады и цветники. Драки «стенка на стенку».</i> <i>Надписи на заборах, граффити.</i> <i>Охота на «чужаков».</i> <i>Хоровое скандирование кричалок и речевок.</i> <i>Флэшмобы. Агрессивно-провокационная активность на плановых и стихийных митингах.</i>	<i>Защита «своей» и захват «взрослой» территории.</i> <i>Ее маркировка (в т.ч. вандально-разрушительная).</i> Борьба с «врагами» (от болельщиков команды-соперницы, до представителей иной нации). Видеозаписи «боев без правил» с конкурентами и полицией.	Предоставление собственной комнаты в квартире с правом ее маркировки. Выделение «комнаты для раздумий» в стационаре. <i>Военизированные и «разрушительные» игры.</i> <i>Спортивные игры с наличием «своей» и «чужой» половины.</i> <i>Работа в конкурирующих командах.</i>
<u>Оппозиция</u> взрослым («не	Принимаемые обществом реакции: оппозиции	<i>Ссоры с родителями и домочадцами.</i>	Прохождение 8-ми дневной интенсивно-

важно как, главное – не так как они»). Разрушение родительских стереотипов. Игнорирование макросоциальных традиций.	родителям, эмансипации, группирования со сверстниками, хобби, демонстрируемой сексуальности. «Бунт» в виде наглости, хулиганства, цинизма, перманентной неопрятности, порчи имущества, непристойного поведения, применения ненормативной лексики (повсеместно).	<i>Вызывающее, скандальное и изживденчески-протестное, поведение.</i> Конфронтация. Самоактуализация через негативизм. Ослабление и угашение реакций отвращения и стыда. Отрицание элементарных гигиенических норм.	экспрессивной психотерапии (ИНТЭКС) в группе детей и родителей. Работа на равных. Создание «семейного герба». Совместное с родителями совершение подвигов на заключительном сеансе. Встречное планирование изменений: «Я обещаю постараться...»
<i>Ритуальная (временная) или постоянная (статусная) раскраска.</i> Повреждение и шрамирование тела (включая половые органы). Членовредительство (без ущерба для жизни и трудоспособности). Обнажение или унификация одежды посвящаемых.	Молодежная мода. "Фрик-мода" (freak - англ.: урод). Гетеро-татуировка «на память» (маркировка партнера). Утрированный и стилизованный макияж. Бритье наголо. Необычные прически. Унификация (в том числе бисексуальная) одежды (с частичным обнажением тела) и атрибутов. Пирсинг, татуировка и т.п.	<i>Аксессуары и рисунки на теле и одежде, символизирующие разрушение и смерть.</i> Самоповреждающее поведение (порезы, прижигания, растирания кожи). Трихотилломания, Дерматоглазия и др.).	Боди-арт и телесно ориентированная психотерапия. Родительский массаж. Бальнеотерапия. «Татуировка», изображающая качество, от которого надо избавиться. Высмеивание субкультурной атрибутики, лишения ее сакральности, уникальности и привлекательности.
Утверждение себя в группе при состязаниях в силе, ловкости, быстроте, умении. Демонстрация нечувствительности к насмешкам и ударам во время ритуала посвящения.	Экстремальный и силовой спорт. Бодибилдинг. Троллинг (сетевое злословие). Ритуальная драка перед принятием новичка в группу, прохождение «испытательного срока» с провокациями и унижением.	<i>Рискованное для себя и других поведение (лихачи, «зацеперы» и т.п.).</i> Шоплифтинг. Гиперкомпенсация через «маску клоуна» Коллективные избиения и издевательства над «отступниками» (синдром «Чучело»).	«Школы выживания». Спортивные игры. Творческая, силовая, интеллектуальная «дуэль по правилам». Режим молчания. Система «громких» и «тихих» подвигов. Прием «горячий стул». «Стул победителя». Неоконченный рассказ «Новичок в классе».
Знакомство с <u>тотемическими образами</u> . Тотемические церемонии (изгнание детского духа и приобщение к сакральному). Информирование о	Историко-патриотические клубы. Следование доблестным примерам, чаще молодежным кумирам от поп-искусства, спорта. Использование кличек и прозвищ.	<i>Оппозиционный традициям выбор брутальных героев («мертвый мститель» из готического потустороннего мира) и «равных богу» антигероев</i>	Аретотерапия. Библиотерапия (ЖЗЛ). Называние полным (взрослым) именем. Знакомство со значением имени. Поиск «знаменитых тезок» и рассказ о выбранном для себя.

мифических и исторических героях и подражание им. Анимизм, Смена имени.	Социальное научение через СМИ с демонстрацией безнаказанности и сексуального подкрепления «героически-сверхчеловеческого» противоправного поведения.	(Гитлер, Сталин анархисты, национал-социалисты, язычники, «сатанисты») и подражание им. Бред инсценировки. Деперсонализация.	Рисунок идеального образа. Музыкальная пантомима «Золушка»
Священное погружение в мир <u>духовных ценностей</u> (религиозное воспитание). Знакомство с законами жизни во взрослом обществе (раннее приобщение к труду).	Отсутствие государственной идеологии, религиозной культуры и выверенной молодежной политики обуславливают мировоззренческий «вакуум» и жизнь «днем сегодняшним». Источники-носители субкультурной мифологии и идеологии - "культовые" книги, стихи, сайты, фильмы, тексты песен и пр. Отсутствие трудового воспитания порождает изживенчество.	Балансирование между безверием и фанатизмом, научным знанием и магическим мышлением, поиском идеалов и их отрицанием, асоциальностью и конформизмом. Противопоставление "тонких эмоций" индивида "грубости" окружающих. Метафическая интоксикация. Диссоциация между половой и социальной зрелостью. Потребительство как идеология. Мизантропия.	Приобщение к традиционной религии, национальной идее. Библиотерапия. Арт-терапия. Бихевиорально-когнитивная (в т.ч. аверсивная) психотерапия. Неоконченные рассказы. Приемы: семейный контракт; передача ответственности; создание «жизненных сценариев». Р.С. продолжают и по окончании сессии. Трудотерапия.
<u>Укрощение плоти.</u> Бичевание. Табу на ту или иную пищу. Голодание. Победа над болью. Отказ от амбиций. Упражнения в аскетизме.	Традиция физических наказаний со смыслом: «Бьет – значит любит». Ограничения в еде (в соответствии с модой на стройную фигуру или как переадресованная на себя агрессия). Физические испытания. Братание кровью.	Болезненные садо-мазохистические самоманипуляции. Сверхнагрузки. Псевдоаскетическое поведение. Ипохондрия здоровья. Трансгендерность и синдром отвергания пола. Расстройства пищевого поведения Астено-апатическая депрессия.	Психокоррекционный настрой на позитивное изменение себя, личностный рост. Лечебная диета. Порка-терапия. Сенсомоторная коррекция. Во время ИНТЭКС 5 - 6-ти часовые занятия без перерыва для еды. Работа по принципу: «Один за всех, все за одного».
<u>Дифференцированное половое воспитание.</u> Игры девочек с куклами, сменяющиеся	Сексуальное воспитание в школе и семье. Эротика и секс в СМИ, в т.ч. сочетание сексуальной стимуляции	Недифференцированная половая активность. Фантазии об однополем браке и	Библиотерапия: «рыцарские» и мелодраматические романы; лирическая поэзия, бардовская

заботой о малышах. Игры в войну для мальчиков. Ухаживания, калита, кумление и т.п. традиции. Ритуальные игры с целованием и раздеванием. Официальные периоды (например, между помолвкой и свадьбой), допускающие половую распущенность. <i>Декларирование сексуальной состоятельности.</i>	со сценами ужаса и отвращения (вампиризм, каннибализм). Мода на гомо- и бисексуальность. Мальчишники-девишники. <i>Само-взаимпросвещение Однополая и разнополая дружба.</i> <i>Мастурбация.</i> <i>Первая любовь и первый сексуальный опыт.</i> <i>Борьба за сексуального партнера, в форме интриг и агрессии.</i>	смене пола. <i>Дружба и любовь по интернету.</i> <i>Ревность, «мечь отверженного».</i> Сексуальная распущенность, промискуитет. Избиение конкурентов. Суицид из-за неразделенной любви. Синдром Вертера. Гебоидный синдром.	песня. Проведение психотерапии в смешанной по полу группе. <i>Освоение мальчиками-подростками «малого джентльменского набора», девочками - просоциального настроя на брак и выполнение родительских функций.</i> <i>Ирония и сарказм в отношении имитативного суицида.</i> <i>Интроект: «Любить - значит заботиться».</i>
<u>Пребывание в измененном состоянии сознания.</u> Ритуальные трансовые техники с лишением сна, ритмической (музыкальной, танцевальной) стимуляцией. <i>Изменение сознания с помощью вина, дыма, галлюциногенов</i>	Йога, медитация. Шизоидизирующая фрагментация сознания, создаваемая смартфонами и плеерами. <i>Приобщение к табаку, курительным смесям, алкоголю, напиткам-«энергетикам».</i> <i>Увлечение «тяжелым роком», трансовой, медитативной музыкой.</i>	Алкоголизм, наркомания, токсикомания. Игромания. Компьютерная зависимость, «технологические аддикции», затрудняющие и искажающие восприятие окружающего мира.	Гипнотерапия, АТ, голотропная психотерапия. Трансовые техники. <i>Приемы «транс», «ритм планеты».</i> <i>Эмоционально-стрессовый характер заключительного сеанса. Эфирно-медикаментозная аэрация зала.</i>
<u>Встреча с хаосом</u> и прохождение через него. Ритуалы типа ночи на Ивана Купалы. <i>Развенчание и «приручение» магических образов, пугавших в детстве.</i>	Праздники типа хэллоуин, карнавалы. Комнаты страха. Детективы, триллеры, фэнтези. Абстракционизм, декаданс, модернизм, символизм в искусстве. <i>Ритуальное сжигание школьных дневников.</i>	<i>Деструктивное, фантасмогорическое творчество.</i> <i>Психоделический транс.</i> <i>Моральный и правовой нигилизм.</i> Патологическое фантазирование. Идеи овладения.	Психоанализ. Религиозная психотерапия. Трудотерапия. Арт-терапия. <i>Рисунки, маски и танец страхов, разрушение или трансформация пугающих образов.</i> <i>Игра «инопланетяне»</i>
<u>Символическая смерть с телесными повреждениями, укусами муравьев, обрезанием и иными хирургическими манипуляциями.</u> <i>Демонстрация</i>	Общеподростковый танатотропизм. Экстремальный спорт. Рискованное, аутоагрессивное и парасуицидальное поведение. <i>«Дурацкие» шутки и</i>	<i>Комплекс неполноценности.</i> <i>Непереносимость шуток и насмешек.</i> <i>Самоутверждение через высмеивание и унижение других.</i> Социофобия.	Регрессивный гипноз. <i>«Клоунада», «автопортрет», «сплетники», «портрет группы».</i> <i>«операция» (пугающая, но не болезненная), «каталептический</i>

<i>регрессивного поведения.</i>	<i>выходки.</i>	Демонстративные и истинные суициды, Гебефрения.	<i>мост», запах медикаментов.</i>
<i>Праздничное возрождение в новом социально-личностном статусе в окружении всей общины. Демонстрация взрослых качеств. Публичное посвящение в статус равноправного члена общины.</i>	Торжественное посвящение в «пионеры», «скауты», «комсомольцы», «рабочие», «студенты», обеспечивающие уверенность в собственной необходимости для общества. Празднование юбилеев, застолья по поводу получения паспорта, первой зарплаты, поступления в ВУЗ и его окончания, <i>защиты диссертации и т.п.</i>	<i>Завышенная самооценка. Комплекс «самурая». Мизантропия. Идеи мессианства, величия и злого могущества.</i>	Присутствие публики на заключительном сеансе. Праздничная одежда. Приемы «второе рождение», «письмо другу», предвыборная кампания. Совершение «громкого личного подвига», его фото- и видеозапись, общие танцы и песни, жизнеутверждающая декламация (<i>аналог клятвы-присяги</i>). Торжественное чаепитие.

Соблюдение указанных принципов предполагает максимальное насыщение сенсорного, эмоционального и информационного каналов восприятия пациентов, что само по себе способно подавлять психопатологическую продукцию [23] и гедонистически окрашивать их суммарный эффект. Такая «школа мужества» полностью соответствует основному принципу детско-подростковой психотерапии – «радостному взрослению».

Литература:

1. Геннеп Арнольд ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999, с.64-107
2. Генон Р. Кризис современного мира. Пер. с фр. Издательство: Эксмо Серия: Антология мысли, 2008.- 784 с.
3. Гильбурд О.А. Избранные очерки эволюционной психиатрии, Сургут: РИИЦ «Нефть Приобья», 2000.- 180 с.
4. Голдберг Э. Управляющий мозг: Лобные доли, лидерство и цивилизация. /Пер с англ.- М.: Смысл, 2003.- 335 с.
5. Гречаный С. В. «Расстройства поведения у подростков, сочетающиеся с употреблением психоактивных веществ (клинико-динамический и адаптационно-личностный аспекты)», Автореферат докт. мед. Наук. СПб, 2015.- 48 с.
6. Гроф С. За пределами мозга. - М.: Изд-во Трансперсонального института. 1993.- 504 с.
7. Дальто Ф. На стороне подростка. Пер. с фр.- Екатеринбург: У-Фактория, 2006.- 368 с.
8. Докинз Ричард. Эгоистичный ген. Пер. с англ. М., АСТ:CORPUS, 2013.- 512 с.
9. Егоров А.Ю., Игумнов С.А. Расстройства поведения у подростков: клинико-психологические аспекты.- Спб.: Речь, 2005.- 436 с.

10. Ермоленко И.А., Северин А.В. Информационно-компьютерные технологии и психическое здоровье подростков. // Вопросы психического здоровья детей и подростков. № 1 (15), М., 2015.- с. 85-88.
11. Клинков В.Н. Обряды инициации и эволюция подростковой психопатологии. Acta Psychiatriy, Psychother., et Ethologica Taurica № 3, 1995.- p. 131-137.
12. Корнетов Г. Б. История педагогики: монография / Г. Б. Корнетов. – М.: АСОУ, 2013. – 460 с. (Сер. «Историко-педагогическое знание». Вып. 62).
13. Левковская О.Б. Использование проективных рисуночных методик в исследовании самовосприятия и аффективной сферы у девочек-подростков с самоповреждающим поведением. //Исцеляющее искусство. Международный журнал арт-терапии. № 3,т.17, лето 2014.- с.6-39
14. Левковская О.Б., Шевченко Ю.С. Несуицидальное самоповреждающее поведение в подростковой среде: современные объяснительные подходы (окончание). Вопросы психического здоровья детей и подростков.2015 (15), №1, М.,2015. – С. 105-116.
15. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков.- Л.: медицина, 1983.- 256 с.
16. Малыгин В.Л. Интернет-зависимое поведение у подростков. Клиника, диагностика, профилактика. – М.: Мнемозина, 2010.- 136 с.
17. Маркова Н.Е., Римашевская Н.М., Смакотина Н.Л. Типология модификаций девиантного поведения в молодежных субкультурах // Народонаселение. — М.: ИСЭПН РАН, 2010. — № 1 (47).- с.1-17.
Матевосян С.Н. Психические расстройства с синдромом «отвергания пола» (клинико-феноменологические и лечебно-реабилитационные аспекты). Автореф. докт. мед. наук. С., 2009.- 51 с.
18. Менделевич В.Д. Психиатрическая пропедевтика: Руководство.- 5-е изд. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012.- 576 с.
19. Москвитин П.Н., Цыганков Б.Д., Сирота Н.А. Метод «профилактической психодрамы» в предупреждении зависимости от психоактивных веществ у детей и подростков. М.: ОАО «Издательство «Медицина», 2011.- 248 с.
20. Пивоварова П.А. Психические расстройства, диагностированные как патологический пубертатный криз (по данным судебно-психиатрического катамнеза). Автореф. канд. мед наук. М., 2014 — 23 с.
21. Протопопов А.И., Вязовский А.В. Инстинкты человека: (попытка описания и классификации) – Якутск: Компания «Дани АлмаС», 2011.- 144 с.
22. Самохвалов В.П. Этология человека: некоторые последствия объективных исследований поведения для медицины и антропологии (обзор). Таврический журнал психиатрии. Т.1, № 2, 1997.- с. 50-80.
23. Свааб Д. Мы – это наш мозг: От матки до Альцгеймера / Пер. с нидерл.- СПб. Изд-во Ивана Лимбаха, 2014.- 544 с.
24. Шевченко Ю.С., Добридень В.П. Радостное взросление: развитие личности ребенка (методика ИНТЭКС). – СПб.: Речь, 2004.- 202 с.
25. (а) Шевченко Ю.С. Систематизация психических расстройств. //Детская и подростковая психиатрия: Клинические лекции для профессионалов /Под ред. Ю.С. Шевченко. М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2011. - с. 72-95.
26. (б) Шевченко Ю.С. Онтогенетически ориентированная (реконструктивно-кондуктивная) психотерапия детей и подростков. //Детская и подростковая психиатрия: Клинические лекции для профессионалов /Под ред. Ю.С. Шевченко. М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2011. - с. 800-816.
27. (в) Шевченко Ю.С. Этологические механизмы психопатологических расстройств. //Детская и подростковая психиатрия: Клинические лекции для профессионалов /Под ред. Ю.С. Шевченко. М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2011. - с. 579-622.

Шевченко Ю.С., А.В.Горюнова, В.А.Корнеева. Ранний детский аутизм в эволюционно-биологическом аспекте. //Неврологический вестник, Т. XLVIII, вып. 4, 1916 - с. 34-39.

28. Шмырева О.И. Танатотропизм: психологические аспекты эмоционального кризиса в подростковом возрасте. // Вопросы психического здоровья детей и подростков. № 1 (15), М.. 2015.- с. 101-104.
29. Юнг К.Г. Архетип и символ.- М.: Ренессанс, 1991.- 304 с.
30. Eibl-Eibesfeldt I. Humanethologie. Berlin, N.-Y. Plenuv Press, 1985.— 875 p.